

КРИСТИАН РОБЕРТ
ВИНД

ВОРӨНЬЯ
ХИЖИНА

Mystic роман

Кристиан Винд

Воронья хижина

«Автор»

Винд К. Р.

Воронья хижина / К. Р. Винд — «Автор», — (Mystic роман)

ISBN 978-5-44-741640-9

Пронзительная мистическая драма от создателя трилогии «Мрачная вселенная Фрэнка Миллера», способная растопить даже самое черствое сердце. «В крошечной украинской деревушке, затерянной среди бесконечных полей, уже долгие годы ничего не меняется и не происходит. До тех пор, пока в деревне не появляется осиротевшая девочка. Ее дедушка — тот самый чудной старик, о котором в поселении наверху слагают самые невероятные легенды, ведь его дом располагается на окраине, а сам отшельник почти никогда не показывается на глаза...» Ранее книга выходила под названием "Хранители Полей"

ISBN 978-5-44-741640-9

© Винд К. Р.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Воронья Хижина

Кристиан Роберт Винд

Стоит на окраине села дом – старый, осунувшийся, почти развалившийся. И все его стороной обходят, словно боятся чего-то. И, в самом деле, вьет за версту от той ветхой хижины чем-то тоскливым да горьким, как бывает, когда на этом месте случилось много людского горя... Теперь уже никто и не помнит, должно быть, что же такого приключилось здесь, а потому дряхлый остов хижины снизу и доверху оброс деревенскими слухами. Кто про ведьм вволю выдумывает, кто – про леших да болотняков. А я, по вечерам мимо не раз проходя, все задаю себе один и тот же вопрос, глядя в слепые черные прорехи оконных проемов – что же тут было на самом деле?..

Глава 1

Скрыться от судьбы своей невозможно. Она отыщет всюду и приведет тебя именно туда, куда ей было надобно. От горьких уроков ее нет никакого спасения. Только лишь покорность и смирение способны победить судьбу...

Украинская степь – место суровое. Лето здесь жаркое и засушливое, солнце выжигает степные травы, превращая землю в сухую потресканную гладь, закутанную в вуаль из поблекших и пожелтевших цветов. Зимой пронизывающие влажные ветра завывают меж голых ветвей, приносят с собою снежные метели и лютый холод.

Среди бескрайних полей и редких деревьев раскинулись убогие и бедные, крошечные деревушки, в которых люди кормятся тем, что сами выращивают. Жизнь здесь нелегкая, с самой зари и до заката степные жители маются своей бесконечной работой: сеют, поливают, пропалывают, собирают урожай, кормят скот. Одному Богу известно как и зачем они здесь очутились, отчего не покидают эти неприветливые, хоть и красивые края. Большая часть людей из тех поселений – старики, которые доживают свой век на лоне природы и сторонятся шума и хаоса больших городов и современного общества, которое их жестоко отвергло, как ненужный хлам. Есть и молодежь, мечтающая выбраться на Большую Землю, оставив лопату и сапу в сарае, сбежать куда глаза глядят.

Здесь довлеет нищета – если и встречаются кое-где редкие магазины, то выбор в них невелик, да и если бы хорошие товары добирались по ухабистым дорогам в эти Богом забытые края – где же взять на них столько денег?

По ночам здесь тихо, лишь унылый лай хозяйских собак разбавляет полуночный стрекот кузнечиков, пение болотных лягушек и далекое уханье совы. Тусклый свет с деревенского двора не добирается даже и до крыши дома, а потому небо и все звезды на нем – словно на ладони, будто волшебный купол с миллиардами далеких светил, до которого можно дотронуться рукой, стоит лишь взобраться на ветхий чердак и вытянуть ладонь повыше. Поразительные и противоречивые чувства несет с собой степная ночь – такая высокая красота и неопиаемые пейзажи в таком захолустном, простецком месте!..

Кто-то говорит, что именно в таких местах можно встретить настоящих гадалок да ворожеек, а некоторые судачат, будто здесь даже колдуны и ведьмы живут, скрываясь от любопытных человеческих глаз, вдали от всего мира. Здесь, в каждом уединенном поселении и в каждом дворе под виноградными лозами, витают свои особенные мифы и предания, суеверия и предостережения.

Изредка можно встретить в самой далекой деревеньке, которой и на карте-то даже нет, человека, что по своей доброй воле приехал сюда и обосновался, чтобы до самой смерти вести здесь уединенную и отшельническую жизнь. Никогда не поведает он вам свою историю – отчего выбрал такой путь, зачем уехал подальше от людских глаз и спрятался в надежных руках матери-природы, затаился в складках подола степных крон. Такие люди сторонятся всего, а других людей – в первую очередь.

Случалось ли вам проходить мимо самой дальней хаты, которая стоит поодаль, за чертой крошечной деревеньки? Смогли ли вы рассмотреть за крашеным частоколом двор и его убранство, грубую лавку из неполированного дерева, стоящую у крыльца? Заметили ли вы едва колыхающиеся от летнего жаркого ветра белые занавеси на окнах крошечной летней кухни? Аккуратно побеленные в саду плодовые деревья? Ровные грядки листьев картофеля и кур, что настырно порпаются у его корней? Слыхали ли вы визгливое хрюканье молочных поросят, что

доносится из старого сарая за домом, старческое покашливание и ленивое брехание верного пса? И... такой внезапно неуместный детский голосок с ровной и явно нездешней речью?..

Какая судьба и какая череда случайностей могла бы так неожиданно вырвать нас из привычной жизни в пыльном мегаполисе, забросив в самые глубокие и позабытые закоулки степной природы?

Черешневое, июнь 1988 г.

Деревня, раскинувшаяся под знойным высоким небом, насчитывающая всего девять домов на плоском холме и еще один, ютящийся в болотистой низине, свое название получила неспроста. Некогда здесь обитало знатное и богатое семейство, а владелец этих земель, молодой пан, повелел разбить в окрестностях черешневый сад, чтобы его любимая красавица-жена могла гулять по нему летом и лакомиться сочными ягодами. В центре того сада выстроили колодец с каменным сводом и резным фасадом, вытесали беседку и пустили по ней виноградные лозы. Красивое, должно быть, место это было ранее!

Но затем нагрянул переворот и раскулачивание добралось даже до столь отдаленных мест. Жители деревни рассказывают, будто молодого пана ночью убили крепостные мужики, а затем разворовали все хозяйское добро и богатство. Безутешная вдова не нашла иного выхода, кроме как броситься в колодец в черешневом саду...

Прошли годы, колодец завалили каменной плитой, сад зарос сорняками и бурьяном, превратился в непроходимую рощу. Подле него разбили деревню, засеяли землю пшеницей и подсолнухами. Однако по приходу упадничества сельского хозяйства и повсеместной нищеты, деревня захирела, землю и поля отобрало государство. Кто-то покинул село и уехал искать счастья в новые места, кто-то просто помер от старости, а кто-то и от голода.

Теперь деревенька представляла собой совсем крошечное поселение, состоящее сплошь из одних стариков. Не было здесь ни серых асфальтных дорог, ни больших магазинов, ни благ цивилизации.

Зато было здесь то, чего более не осталось ни в каких других местах по всей земле, то, что сумело укрыться от разрушительного влияния человека. Оно не каждому могло открыться и не любой бы мог заметить это волшебство.

Как и всякий подарок судьбы, она также требовала жертву наперед, а уже затем представала перед людским взором, сперва неясная и размытая, а затем все ярче, все заметнее, все ощутимее. Она – дикая и первозданная, такая далекая и всеми желанная, духовная свобода.

Здесь можно было дышать полной грудью, а подчас и вовсе казалось, что и сам воздух в этих краях поглощался жадно, неистово, что он придавал людям какую-то звериную силу и стойкость, подобно целебному источнику врачевал любые раны и душевное горе.

Свободные люди жили так, как и должны были – не изувеченные пороками и страстями, умеющие радоваться славной погоде и замечающие те мелкие и неприметные детали, о которых мы, городские жители, никогда и не задумываемся даже. Не унывающие под гнетом тяжкого быта, потому что принимали таковой как данность, как неотъемлемую часть жизни... ну а жить здесь ох как любили! Мертвые да пустынные, на первый взгляд, земли скрывали в себе такое буйство красок и звуков, образов и запахов, что, очутись ты внезапно здесь, то голова бы непременно пошла кругом от всего этого, а в глазах бы помутнело, будто от порыва пыльного ветра.

И правда – вдруг на горизонте поднялось пыльное облако, а затем из него вынырнул деревенский мальчишка на хилом да кое-где проржавевшем велосипеде. Слегка поплутал он по высохшей насыпной дорожке меж скромных домишек, а потом спустился вниз, в сырую и болотистую балку, притормозил у одинокого строения с частоколом, спешил.

Краснощекий парень нервно переминался с ноги на ногу, сжимая в руках пухлую почтовую сумку. Было заметно, что ему здесь неуютно. Он явно мечтал как можно скорее отдать

посылку, чтобы вернуться к своему старенькому велосипеду и мчать на нем домой, петляя меж редких степных деревьев по высохшей, испепеленной солнцем земле, поднимая велосипедными колесами едкую коричневую пыль.

Дом старика не просто стоял поодаль, он как будто брезгливо отодвинулся как можно дальше от деревни, укрывшись от пытливых глаз соседей в низине, которую подтапливало после каждого летнего ливня.

Вот и сейчас старик, громко кашляя и так же громко ругаясь, вычерпывал смятым ведром дождевую воду из сарая, то и дело в ярости постукивая им о металлическую дверь, чем до ужаса пугал свиней, заставляя их истошно визжать и бегать кругами по сараю.

От этого худосочный старик впадал в еще большую ярость и с новыми силами колотил ведром о стены и двери, разбрызгивая капли грязной дождевой воды. Он не сразу заметил почтальона – то ли специально игнорировал его робкие приветствия, то ли действительно был глуховат, как поговаривали в деревне, стоящей на холме.

Наконец, он отбросил ведро в сторону, устало сгорбился и вытер пот, градом катившийся по его лбу. Куры, встревоженные упавшей в смородиновые кусты хозяйской тарой, бросились врассыпную, громко кудахтая и колотя облезлыми крыльями по своим тощим бокам.

Старик присел на влажный деревянный пенек у сарая, заменявший ему табурет, с кряхтением вытянул ноги, оголив морщинистые худые колени. Несколько секунд он сосредоточенно рылся в своем кармане, пытаясь там что-то найти, пару раз громко выругался, чем вогнал молодого почтальона в еще большее уныние. Наконец он извлек потрепанную пачку дешевых сигарет, чиркнул спичкой и перевел взгляд на паренька, то и дело закашливаясь и давясь табачным дымом:

– Не припомню, чтобы я тебя звал в гости. Так какого тряся ты забыл на моем огороде?

Почтальон быстрым движением вытащил из сумки небольшую коробку, испещренную почтовыми марками, печатями и надписями, спешно сунул ее под ноги старику и тут же бросился прочь. Через минуту он уже выбежал за ворота, с облегчением вздохнул и уселся на раскаленное сидение велосипеда, радостно перебирая педали ногами и насвистывая себе под нос.

– Что это? Если там внутри бесполезный хлам, я спущу этого жиртреста в колодец вместе с его ржавым великом. Эй, Хрящ, иди сюда, нам прислали посылку.

Старик погладил загорелой дочерна рукой взлохмаченную шерсть уродливой собаки, которая тут же с радостным лаем бросилась к нему в ноги.

Она была такая же несуразная, как и ее хозяин, потрепанная жизнью и убогая. Половины одной задней лапы у нее не было, поэтому она бегала вприпрыжку, то и дело заваливаясь на правый бок, хлопая длинными ушами и махая закрученным, как у свиньи, облезлым хвостом. Скорее всего, пес был когда-то белым. Но теперь он будто бы представлял собой холст обезумевшего художника, в хмельном угаре резкими мазками соединившего краски бурого, желтого и серого цветов, превратив белоснежный холст в сплошное грязное месиво. Пес дни напролет валялся под окнами потресканной кухни, наблюдая за ленивыми курами, гуляющими по двору. Иногда он бежал за стариком, преследуя его, словно тень. Но из-за увечия он быстро уставал и вновь возвращался на свой подоконный пост, снова клал голову на лапы и разглядывал двор, изредка отряхиваясь от надоедливых мух.

– Погляди, Колтун, там письмо внутри и кипа документов.

Старик небрежно вытряхивал содержимое прямо на землю, словно опасался, что в посылке может быть что-то опасное, присланное с Большой Земли и способное осквернить его уединенную жизнь. Собака весело кружила у ног старика, то и дело наступая пыльными лапами на разбросанные бумаги. Она давно привыкла к тому, что у нее нет своего законного имени, потому отзывалась на что угодно, ковыляя к хозяину.

Старик оттолкнул пса, подобрал с земли письмо, отряхнул его и распечатал. Покуривая вонючую сигарету, он беспрестанно заходил в утробном кашле и выпускал в июльское небо

серые клубы дыма. Солнце нещадно жарило, испепеляя пожелтевшую траву и мелкие степные растения, раскаляя все кругом до красноватого сияния, высушивая недавние следы потопа – грязные лужи на земле.

Даже в тени сарая было невыносимо жарко и душно, седые кудри старика взмокли и прилипли ко лбу, тонкая рубашка насквозь промокла на впалой груди. Разомлевшие куры гнездились в тени яблочных крон, разрывая лапами землю, чтоб добраться до прохлады. За это старик кричал на них и время от времени поколачивал длинным тонким прутком, загоняя их обратно в курятник. Но проходило несколько минут – и куры вновь возвращались к насиженным местам, разрыхляя почву у корней деревьев.

Чем дольше старик читал письмо, тем сильнее хмурились его брови, грозя сомкнуться над его потной переносицей. Он смял конверт, сунув его в карман, и вперился взглядом в линию горизонта, туда, где косыми квадратами желтели поля пшеницы и подсолнухов, тронутые легким призрачным маревом. Пес зевнул, опустился на ноги старика и тут же принялся посапывать, одурманенный и измотанный полуденным зноем.

– Внучка, значит, ко мне решили подселить. Представляешь, Лохмач? Родственники его в своем городе на машинах поубивались, а мелкого нахлебника теперь мне сюда притащут. На кой черт он мне нужен? Теперь всех сироток ко мне в дом везти будут? Как тебе такое, Обрубок?.. Дата-то в письме за июнь стоит... Пока жиртрест на своем велике сюда с письмом добрался... Это же аккурат на днях сюда его притащат. А меня спросить и не подумал никто, документов насовали в ящик – по закону, значит, обязан. Еще один рот кормить, а чем, спрашивается? Лето жаркое, урожай скудный будет. Как прокормиться? А мелкотне еще и сладости подавай, излишества всякие. Где их брать?.. Вот так мы, Колтун, с тобой и раньше срока в гроб сыграем, попомни мои слова! – он сокрушенно качал головой, пытаясь совладать с обуревавшим его волнением и страхом, нервно притоптывал ногой, от чего пес то и дело просыпался, глядя на хозяина сонными и не понимающими глазами...

Весь следующий месяц старик провел в недобром и сварливом настроении, ругаться ему давно было не с кем, а потому он при каждом удобном случае раздражался и вымещал свое негодование на всем, что подворачивалось ему под руку: на глупых крикливых курицах, на суетливых кролях, даже на скрипучей оконной раме или слишком тугом дверном засове. Он стал злее и вспыльчивее обычного.

Обрывки его сварливых вскриков то и дело поднимал знойный ветер и уносил до соседских домов; в деревне наверху мигом поползли слухи, что старик-изгой, обособленно ютящийся в сырой балке, окончательно спятил от своего одиночества и что в балку спускаться стало опасно. Если и ранее туда никто не забредал, кроме трусливого почтальона или отбившейся козы, то теперь и подавно.

Старика же такое положение дел полностью устраивало – никто не тревожил его, не мешала на огороде надоедливая животиная соседей, а сами они никогда не заглядывали в гости.

Лишь однажды какие-то ребяташки из нездешнего села решились подойти к его калитке: робко они, точно испуганные птенцы, приникли к прутьям ворот, со страхом и восторгом разглядывали его двор, надеясь отыскать в нем что-то страшное, ведьмовское да необычное. Ведь не зря о доме старика ходили слухи далеко за границами поселения, недаром им пугали строптивых детей, обещая отдать ему на растерзание!

Особенно впечатлительные молодые девушки придумывали и впрямь чудовищные небылицы. По их словам, старик прятал у себя в подполе чужих детей и ел их зимою. Кто-то все-раз утверждал, что во время войны он же убивал своих земляков, выдавал партизан немцам, выжигал целые деревни. Конечно, из живущих на холме никто в эти байки не верил и за чистую монету уж точно не принимал, однако дом старика все же обходили десятой дорогой.

Когда же юный почтальон разнес по округе невиданную новость, что к тому в скором времени перебирается осиротевший внук, то следует ли говорить, какие диковинные истории сразу же начал травить деревенский молодняк со всех окрестных поселений? Старики же в Черешневом только молча молились перед сном за несчастного ребенка, стоя под иконами и не понимая, отчего Господь уготовил ему такую печальную, полную лишений судьбу...

Черешневое, июль 1988 г.

Старик, скрипя не меньше своих проржавевших ворот, вышел за порог и остановился перед машиной. Вдалеке все еще витал пыльный туман, будто сама земля была встревожена таким внезапным вторжением и хотела предупредить местных жителей об опасности, давая условный сигнал.

Сухая пожилая женщина выгружала из багажника чемоданы, складывая их возле ворот. Водитель дряхлой машины сидел за рулем, всем своим видом демонстрируя, что он не собирается кому-либо помогать или покидать свое место, что он очень спешит и собирается вдавить педаль газа, едва последние пожитки окажутся на земле.

На пассажирском сидении сгорбилась маленькая худая фигурка, как будто она хотела еще больше вжаться в саму себя, сделаться полупрозрачной и незаметной, раствориться и растаять в раскаленном деревенском воздухе. Женщина закончила выгружать содержимое багажника, со вздохом отряхнула руки, вернулась к машине и открыла заднюю дверцу, приглашая маленького пассажира покинуть свое насиженное место.

Все это время старик молча стоял у ворот, в тени лохматого высокого ореха, облокотившись спиной о его ветвь, угрюмо наблюдая за всем происходящим. Ему не нравились ни чемоданы, которые аккуратной горкой сгрудились у его дома, ни водитель, который нервно выстукивал мелодию пальцами о руль, с раздражением поглядывая на свои наручные часы. Но больше всего ему не нравился мерзкий человечек, который вот-вот должен был показаться из машины, ступить ногами на его землю, переступить порог его дома и принести с собой массу тягостных и неприятных хлопот, насущных забот и Бог знает каких еще бесчисленных проблем.

Когда из машины показались блестящие лаковые туфельки, а вслед за ними – худые девичьи ножки, старик закашлялся больше обычного, с отвращением сплюнув на землю горькую зеленоватую слюзу.

– Вы там совсем спятили, как я погляжу, – откашлявшись, грубо гаркнул он пожилой женщине. – Я думал, ко мне привезут внука. В письме было указано, что ребенка зовут Мишей. С каких пор... этих... – он с раздражением махнул рукой в сторону сконфуженной девочки, – называют мужскими именами?

Женщина, по-видимому, работница сиротского приюта, попыталась приветливо улыбнуться, подтолкнула смущенную девочку к старику, всунула ей в руки круглую коробку с тортом:

– Ну же, Микаэлла, не нужно переживать. Подойди к дедушке, отдай ему торт, пока он совсем не растаял на этом солнцепеке, – с некоторой опаской она покосилась на старика, когда тот без малейшего желания взял в руки протянутую ему коробку, пристально уставившись на девочку, как будто хотел пригвоздить ее к месту одним своим взглядом. – Извините, Захар Петрович, видимо, произошло недоразумение – мы не указали, что у вас внука, нам было совсем не до этого... Понимаете, так много хлопот со всевозможными бумагами...

Но старик ее даже не слушал. Все его внимание было приковано к внучке. Она замерла, потупив голову с длинными волосами, убранными на затылке в хвост, судорожно сжимая небольшую плюшевую сумочку в форме мишки. Все ему казалось в ней отвратительным и раздражающе-неуместным: и ее нелепая, яркая одежда, и эта прическа, и даже белая кожа, которая покраснеет и покроется ожогами после первого же дня под палящим деревенским солнцем.

Девочка, казалось, прекрасно все понимала, она ни разу не подняла головы и не посмотрела старику в глаза.

– ... И я очень сожалею о трагической кончине Вашего сына, я...

Женщине не удалось закончить свой монолог, старик нетерпеливо крикнул, оборвав ее на полуслове:

– Да-да, хватит уже тратить мое время. У меня много забот, так что поезжайте туда, откуда прибыли. Я не могу торчать здесь весь день, выслушивая эту ахинею. А тебе бы следовало привести себя в нормальный вид, ты не на пляски приехала. Сомневаюсь, что в свинарнике кто-то оценит твои наряды, – добавил он, все так же пристально сверля девочку взглядом. Затем он резко повернулся и молча пошел в дом, оставив внучку стоять за воротами в окружении своих чемоданов и растерянной работницы приюта.

– ... Ничего, не плачь, дорогая... Просто ему нужно время, он обязательно тебя полюбит, посмотри, какая ты милая... Ну не расстраивайся... Ты привыкнешь, здесь так хорошо – свежий воздух... – донесли до его уха обрывки сдавленных фраз, когда он поднимался на порог, но громкий стук захлопнутой двери оборвал все звуки со двора, как будто поставив жирную точку на его привычной, обыденной жизни.

Он немного растерянно окинул взглядом свою прихожую, стены, мебель и картины на стенах, словно прощаясь со всем этим перед дальней дорогой. Затем устало опустил в протертое кресло, сгорбившись под тяжестью своих невеселых мыслей. Дешевые отечественные часы на столе показывали половину второго. Вот и настало это время. Время перемен, которые он так ненавидел и которых он старался избегать всю свою жизнь... Нелепые, ненужные перемены, которые неизбежно повлечет за собою эта нелепая, ненужная девочка...

Первая ночь прошла, словно в бреду. Захар никак не мог уснуть, мешала и предгрозовая удушливая жара за окном, и его тяжелые мысли. Он кричал и ворочался в кровати, то укрываясь тонким пледом, то вновь раскрываясь, несколько раз вставал попить воды и выкурить сигарету, снова укладывался в постель. Потом ему стало мешать и тихое, едва различимое тиканье часов на стене. Сквозь их мерный и приглушенный стук постоянно просачивался сдавленный детский плач за стеной, который раздражал старика больше всего остального.

Не в силах его более выносить, он вскочил на ноги и выбежал в темную прихожую, громко стал колотить в дверь комнаты, где поселилась внучка:

– Коли тебе так нравится реветь белугой и сопли на кулак наматывать, то и делай это молча! Мой скот сам себя завтра не накормит и огород сам себя не прополет, а ежели я по твоей вине встать рано не смогу, то ничего не успею сделать по хозяйству, и сама ты будешь сидеть без завтрака-обеда, больно я сомневаюсь, что городские вроде тебя у плиты стоять умеют! – прокричал старик в закрытую дверь, гневно потрясая сжатым кулаком.

Он ожидал, что девчонка разразится еще более громкими рыданиями после его брани, но та внезапно умолкла и в доме вдруг стало совсем тихо.

Захар вернулся в постель, еще какое-то время чутко прислушивался к тому, что происходит за стеной в соседней комнате, но больше ни одного звука оттуда так и не донеслось.

«Хоть бы не померла там со страху... А ежели и помрет – что мне с того?» – думал он, засыпая. Его веки, наконец, сомкнулись, из груди вырвался сиплый старческий храп. Захар погрузился в безмятежный сон.

Глава 2

Никому на долю не выпадает тех бед, что он пережить не в состоянии. Каждому дается лишь то, что способно укрепить его душу, но не сломить ее!

Черешневое, август 1988 г.

– Я просил тебя покормить свиней, а не измазаться самой с ног до головы, как свинья, – ворчал старик, отбирая у внучки из рук большую грязную кастрюлю, – у тебя как будто задница вместо рук, и она же вместо головы.

– Простите, дедушка, кастрюля была тяжелая, я не смогла ее поднять над оградой. Она наклонилась и все вылилось на меня. Если бы ограда была немного пониже, я бы смогла все сделать правильно.

Девочка брезгливо пыталась оттереть с платья бурые брызги, но только еще больше пачкала одежду, равномерно растирая по ней помои.

– Если бы ограда была пониже, то свиньи бы заташили тебя внутрь и сожрали. И мне пришлось бы доказывать этой тощей старухе, что это не я тебя прикончил... И не называй меня дедушкой, если не хочешь заночевать в собачьей будке вместе с Колтуном!

Он отправил девочку отмываться в летний душ, который представлял собой убогую конструкцию из четырех жестяных листов с дырой посередине вместо двери, а сверху крепилась большая бочка с лейкой, заменявшая кран. Чтобы открыть воду, нужно было подпрыгнуть и нажать переключатель, тогда вода мощной струей начинала литься из лейки, и остановить ее можно было только снова подпрыгнув и нажав на рычаг.

Дедушка не разрешал лить понапрасну воду, поэтому Мише приходилось сперва прыгать и жать, чтоб смочить мочалку и намылиться, затем она прыгала, чтоб выключить воду, и уже потом – чтоб смыть пену и вновь выключить воду. Несколько раз она поскальзывалась на мыльном дощатом настиле и разбивала колени, чем вызывала новые ворчания у старика, который искренне не понимал, отчего внучка такая «несуразная и неуклюжая».

Пока Миша отмывалась от помоев, старик накрыл во дворе под навесом небогатый обед. Рано утром он испек в огромной печи хлеб, теперь он лежал на столе, нарезанный грубыми широкими ломтями, распространяя аппетитный аромат. Какое-то время он задумчиво разглядывал краюху с корочкой: девочка очень любила ее и всегда выпрашивала, едва он доставал горячую буханку из печи. Он взял краюху в ладонь, смял ее, рассыпав по столу золотистые крошки, откусил большой кусок и принялся за обед.

Когда Миша села за стол, Захар уже прихлебывал чай, выпуская изо рта облако едкого дыма и размышляя о чем-то своем. Небо над двором сияло бирюзовою чистотою, суетливо летали по нему молодые ласточки, гнезда которых Миша заметила под потолком у деда в сарае.

Долго разглядывала она их, пыталась даже взобраться на жестяные бочки с зерном, чтобы заглянуть внутрь и увидеть птенцов. Любопытство настолько разобрало девочку, что однажды ей все же это удалось – неловко ухватившись за висящую на стене лопату одной рукой и повиснув на полке под потолком на другой, она с невероятным усилием подтянулась и смогла добраться до самого низкого гнезда, что нависало сбоку у стены, между деревянными балками.

На дне его, заботливо устланном птичьим пухом, сидели три крошечных птенца. Они громко пищали и немощно махали голыми черными крылышками, хватали желтыми клювами торчащие из гнезда соломинки и травинки. Миша собиралась было дотронуться до одного из них, как вдруг полка, не выдержав веса девочки, с грохотом обрушилась вниз на жестяные бочки, все ее содержимое разлетелось по сараю, а сама девочка больно приложилась о пол

ребрами. На невообразимый шум тут же примчался Захар и его пес. Долго тем днем Миша слушала наставления и раздраженное брюзжание старика, а после отправилась наводить в сарае порядок и все расставлять по местам.

– Скажи еще спасибо, что отделалась испугом и ссадиной на боку. Дурная голова ногам покоя не дает! – ворчал Захар, сурово зыря на внучку. – Если бы ты случайно гнездо сорвала – не миновали бы мы беды. Неужто не знаешь, что гнезда ласточкины трогать нельзя? Кто гнездо разорит – тот на свою голову несчастий и горя потом не оберется, а бывало даже, что ласточки и дом поджигали тем, кто их гнезда срывал. Уж не знаю как, но сам о таком слышал. Чтобы больше в сарае не околачивалась, нечего там тебе делать!..

Сейчас же Миша спешно уплетала обед, украдкой поглядывая на деда. Тот все так же равнодушно смотрел куда-то вдаль и курил, покручивая самокрутку загорелыми худыми пальцами.

– Дедушка, а это правда, что ты на войне был? – вдруг выпалила девочка. Глаза ее тут же загорелись любопытством: – Перед отъездом в деревню мне говорили, что у тебя много медалей, что ты можешь много чего рассказать об этом!

Захар смерил снисходительным взглядом свою внучку, поджег новую сигарету и снова закурил. Девочка, нетерпеливо ожидавшая красочного и подробного рассказа, даже забыла о еде: она отодвинулась от тарелки, оставила вилку и пытливо таращилась старику прямо в глаза.

– Что там рассказывать? Мы немцев убивали, а они – нас. Когда я попал на фронт, мне было немногим больше двадцати. Забросили нас на передовую, сперва все еще чинно было, а потом уж и не разобрать – где верх, где низ, кто и откуда стреляет, кто жив, а кто уже помер.

Сдружился я там с земляком своим, мы долго с ним воевали, хорошо узнать друг друга успели. Он рассказал про семью свою, что дома его невеста ждет, про то, чем он после войны заняться собирается. Я ему и пообещал, что если он погибнет, то я с весточкой нагряну к его ненаглядной, расскажу ей, как он ее любил.

Ночевали мы обычно прямо под голым небом, и хоть даже лето было, а мерзли в окопах, зуб на зуб по ночам не попадал. Чтобы хоть немного согреться, мы уже стали в землю зарываться, как кроты. Накануне был тяжелый бой – много солдат потеряли, ждали, когда к нам новые силы перебросят. Повелели нам залечь на сутки, схорониться до прихода войск. И как ведется, именно эта ночь и выдалась самой холодной.

Нам и костра не развести – повсюду враг, порежет нас и перестреляет, как зайцев. А на земле повсюду – иней, хоть как ни укрывайся – а зубы так цокали, что за версту было слышно. Я сперва со всеми ютился, все уюститься старался, часа два промаялся. А потом еще и боль в животе меня разобрала, что ни вздохнуть, ни выдохнуть. Побежал я за пригорок, с час там промучался, от боли в животе в жар бросало, я даже грешным делом подумал, что зато согреться сумел.

Стало мне полегче, вернулся к отряду, подошел я к земляку своему, а он сидит в окопе, спиной ко мне. Тогда ночь темная была, за облаками и звезд не видно, повсюду какие-то поля да пустыри, обожженные деревья да рывины от танков. Я другу по плечу стучу, хочу закурить с ним, а у него возьми голова да и отвалилась с плеч. Я давай к другим бежать – а они все мертвые лежат, я один только живой. Пока я с животом мучился, немцы на нас каким-то бесом вышли, тихо всех порешили и убрались восвояси.

Утром отряд пришел – а мне им стыдно в глаза смотреть, пока я за кустами нужду справлял, моих товарищей как овец порезали. Оно-то, конечно, меня спасло, но стыда моего не убавило. А самое-то противное – это даже не мой слабый желудок, а что после войны сдержал я свое слово и нашел дом невесты земляка.

Только она и не думала его ждать, рассказали мне, что она давно ушла с немцем каким-то, когда те в деревню нагрянули. Укатила с врагом и думать забыла о своем женихе. А тот

ее снимок с собой повсюду таскал, каждый день мне о ней говорил, любил ее больно. Иногда и не знаешь даже, что гаже да омерзительнее – нелепая смерть да дерьмо, или человеческое предательство... А теперь и за работу пора! Нечего уши здесь развешивать, ступай.

– Неужто это правда, дедушка?

Девочка вытаращила глаза и с недоверием покосилась на старика.

– Может и нет. Сто лет назад это было, почему мне уже знать? – рявкнул он в ответ.

На этом Захар умолк, еще немного покурил, а затем отправился по своим делам. Миша прибрала со стола, отнесла посуду на кухню и принялась ее мыть в тазу.

Девочка понемногу привыкала к жизни в деревне – степь уже не выглядела такой враждебной, какой показалась ей впервые. Ей полюбили стелить за домом в саду старый плед и читать после обеда, когда Захар занимался рутинной работой, что-то починял или ухаживал за скотом. Устраиваясь меж колючих кустов малины, она подолгу зачитывалась тем, что удавалось раздобыть в комнате старика. Обычно это были никому неизвестные романы давно позабытых писателей, мемуары о войне, старые черно-белые журналы, пожелтевшие от времени.

В полдень стоявшее в зените солнце выжигало все вокруг, но в саду, под тенью яблочных крон, было свежо и прохладно. Миша часто брала с собою ломоть свежего хлеба, а затем Захар ворчал по вечерам, когда собирался прочесть газету перед сном, а из нее на пол спальни вдруг сыпались хлебные крошки.

Хотя старик оставался все таким же грубым, резким и нетерпимым с девочкой, ей все же начало казаться, будто он изменился. В его голосе все реже звучала искренняя злость и раздражение, чаще он это делал просто по привычке – кричал и бранился, потрясая кулаками, но в глазах его не было ни ярости, ни ненависти.

По вечерам они обычно вместе уходили в дом: Захар любил почитать под тусклым светом торшера, а девочка рисовала на столе неподалеку, слушала поздние передачи по шипящему радио или просто увлеченно рассказывала старику о чем-то, сидя на табурете и болтая ногами, за что всегда получала строгий выговор.

– Ты чертей на ночь глядя покатать решила? Прекрати немедленно раскачивать своими граблями, не то отправлю ночевать в собачью конуру!

Иногда они допоздна оставались во дворе, наблюдая за тем, как по августовскому небосводу мечутся падающие звезды, Миша с восклицанием указывала на них пальцем, а пес принимался радостно носиться вокруг лавки, на которой они сидели. Захар обычно молчал и курил, он не перебивал восторженный лепет своей внучки, но и не поддерживал его. Со спокойным смирением он слушал изо дня в день все ее рассказы, наблюдал, как она ловит лягушек, выползших из болота на свою ночную прогулку, как взбирается на крышу летней кухни и кричит оттуда о том, что видит на сонном холме и в деревне наверху.

В дождливые вечера они оставались в гостиной, бедно обставленной, но чистой и уютной, как и все остальное жилище старика.

Здесь был массивный и старый шкаф с книгами, на некоторых его полках громоздились стаканы, фужеры и старинные графины из тяжелого стекла. На стене висел старенький и потрепанный шерстяной ковер, на нем – большие белые часы и картина с какой-то вычурной японской красавицей. Миша иногда разглядывала ее от безделья: черные волосы женщины были уложены в высокую прическу, на щеках играл бордовый румянец, алые губы обрамляли белоснежную улыбку.

Полы в доме старика были покрыты светлыми деревянными досками, многие из них давно жалобно скрипели и требовали замены, но на это у него не было ни времени, ни сил. Зато потолки он белил каждую весну, а отслоившиеся от стен обои заботливо подклеивал на место.

Мебель тоже была старая и видавшая виды: продавленные кресла, кровать с железной сеткой под матрасом, столы с растресканным и облупившимся на них лаком, дряхлый шкаф с очень скрипучими дверцами и ржавыми петлями.

Однако в слабом свете электрического освещения все это казалось Мише таинственным, даже волшебным: вот уже старое плюшевое кресло, в котором сидел старик, кажется вычурным тронem какого-то мудрого старца, а исцарапанное трюмо – это арка с потайной дверью в дивный ночной мир.

Проводка в доме была негодною, часто по вечерам старые провода не могли выдержать и двух одновременно включенных лампочек, тогда Захар доставал из ящика своей тумбочки свечу, ставил ее на стол в гостиной, на стенах и окнах которой тут же принимались танцевать причудливые тени.

Черешневое, сентябрь 1988 г.

Школы в деревне не было. Мише приходилось ездить на велосипеде в соседнее поселение – место, где улиц было на порядок больше, а дороги в некоторых местах даже были покрыты чем-то вроде асфальта.

Школа в соседней деревне располагалась на окраине, занимая небольшое одноэтажное здание с обшарпанными голубыми стенами. Учеников, как и преподавателей, было мало, Миша насчитала всего с десяток детей. В классе, помимо Миши, учились еще двое: смуглая и тихая девочка, которая все занятия проводила, уткнувшись глазами в свои учебники и юркий мальчишка с каштановыми волосами, который, в отличие от своей соседки, вообще предпочитал не читать учебников, а подперев щеку рукой, лениво разглядывать трещины на стенах класса, притоптывать ногой под партой, ковырять циркулем уголок стола или глядеть в окно, пытаясь бороться с одолевавшим его сном.

Учительница была странной и такой же невыразительной, как и само здание школы: невозможно было даже понять, какого она была возраста. Высокая, худощавая и угловатая, она любила облачаться в тяжелые длинные юбки, бесформенные блузы, черные туфли с потертыми носами. Она делала прическу из темно-рыжих волос на макушке, убирая их в высокий пучок, открывая испещренный морщинами лоб и всегда сдвинутые, какие-то хищные брови. Лицо ее тоже было странным, одновременно на нем можно было прочесть и равнодушие, и неодобрение, и усталость, и даже печаль, хотя оно всегда оставалось одним и тем же. Женщина говорила мало, а чаще – диктовала номера задач или страниц и уходила из класса вести занятия в другой кабинет, никогда не проверяла домашних заданий, не вызывала к доске и не вела лекций. Уроки проходили в полной тишине, независимо от того, была ли она в классе и отстраненно читала свою книгу за столом, или уходила из кабинета, глухо цокая широкими квадратными каблуками изношенных туфель. Стоит ли говорить, что эта школа была совсем не похожа на ту, в которой училась Миша до переезда к деду, что здесь не было ни шумных перемен, ни веселых детских криков и возгласов из кабинетов, ни красочных стенгазет на стенах холла. В воздухе царил какое-то мертвое уныние и отчаяние, которое усиливали запахи старых книг, пыльных советских занавесей на окнах. Казалось, что все здесь пропиталось молчаливой тоской, будто это место специально было создано для того, чтобы изгонять праздный дух из немногочисленных детей окрестных сел и деревень, вогнать их в безмолвное оцепенение. Миша не любила школу, не нравились ей и эти занятия, которые не давали нормального образования, а лишь отнимали ее время и жизненные силы. С трудом выдерживала она каждый день несколько часов уроков, а после них стремглав бросалась к велосипеду и мчала прочь. Конечно, она ни с кем так и не подружилась в школе, не завела подруг и не водила привычных девичьих разговоров после занятий в школьном дворе.

Путь отнимал не менее получаса – и это если Миша крутила педали очень быстро, не глядела по сторонам и не разглядывала придорожный однообразный пейзаж. Возвращалась же домой она не спеша, осторожно объезжая выбоины и ухабы на проселочных насыпных дорожках, добираясь домой уже далеко за полдень. Дорога проходила в гору, плавно поднимаясь и плутая меж подсолнуховых полей, по обе стороны ее тянулись редкие деревья: орехи, оди-

чавшие вишни, абрикосы, акации. Плоды с диких деревьев были гораздо мельче, чем во фруктовых садах в деревне, горчили на вкус или же отдавали явной кислинкой, потому их никто не трогал и не срывал, даже птицы неохотно к ним притрагивались, и они стояли на обочинах, рясно разодетые в свои невкусные плоды, под тяжестью которых сгибались ветви. Если погода была приятной и дома после занятий не ждал избыток рутинных дел, то Миша любила останавливаться под старой приземистой сливой. Стелила на траву свой школьный пиджак, усаживалась на него, упиравшись острыми лопатками в ствол дерева, запрокидывала голову и какое-то время бездумно глядела вверх, где под легким ветром плясали сливовые ветви, будто царапая собою высокое бирюзовое небо. Часто рядом резвились стайки птиц, наблюдательным глазом можно было заметить, как они гоняются друг за другом под небосводом, шумно возятся где-то в ветвях или пытаются поймать толстую муху прямо на лету.

Не удивительно, что нелегкая сельская жизнь сказалась на внешности девочки: ее руки и ноги совсем исхудали, черты лица сильно заострились, костлявые плечи и ключицы выпирали даже под плотной тканью школьного пиджака.

Черешневое, декабрь 1988 г.

Зима в этом году выдалась особо суровая. После затяжной и дождливой осени, наводнившей низину бесчисленным потоком ручейков, стремительно несущих прочь охапки желтых и багряных листьев, она принесла с собой промозглые ветра, сильные снегопады и трескучий мороз. Чтобы поддерживать тепло в небольшом доме старика, приходилось топить по несколько раз на дню. Уже к январю гора бревен в сарае заметно поуменьшилась, а впереди оставались еще три холодных месяца.

Старик то и дело навещался и в погреб, с опаской спускаясь по его скрипучим деревянным ступеням, чтобы в очередной раз проверить запасы еды. С досадой он подсчитывал оставшиеся на полках стеклянные банки с припасами, с грустью разглядывал полупустые ящики с овощами. Сильнее всего пострадали закрутки с вареньем и фруктами – их полки существенно поределели. Миша любила сладости и часто просила к чаю блюдечко с вареньем или сливы в сахаре. Старик, скрипя зубами, брал в руки консервный нож и шел к подвалу.

Сейчас он стоял у основания лестницы, устало облокотившись о некрашенные перила, тяжело размышлял о чем-то, сминая в руках старую меховую шапку. В слабом освещении маленькой лампочки, сиротливо свисавшей на шнуре с потолка, он казался еще более худым и ссохшимся. Глаза его будто ввалились в тощий череп, щеки, покрытые редкой седой щетиной пожелтели, длинные руки с натруженными венами едва заметно тряслись, обнажая узкие костлявые запястья.

Он взял несколько склянок с полки, аккуратно уложив их в холщовую сумку, перекинул ее через плечо и так же опасливо и осторожно принялся подниматься по лестнице, скрипя размокшими ступенями. Наверху уже ждала Миша, нетерпеливо подпрыгивая у двери, притоптывая на месте, скрипя меховыми сапогами на свежем снегу. Пес резвился около нее, падая на спину, дергая лапами, затем вскакивал и принимался бегать по сугробам, теряя равновесие, когда изувеченная лапа проваливалась в сугроб слишком сильно; тогда он снова падал на спину и начинал радостно лаять, чтобы девочка поиграла с ним или почесала его живот со сваливавшейся замерзшей шерстью.

Они не догадывались, что припасов осталось совсем немного, что их не хватит, чтобы прокормить даже двоих до весны. Что убогие проселочные дороги завалило снегом, и даже если бы у старика имелись деньги, им бы все равно не удалось добраться даже до местного рынка на окраине соседнего поселения.

Для ребенка и пса мир выглядел совсем иначе – девочка то и дело выбегала во двор, чтобы слепить снеговика или вырыть ямку в сугробе, а пес с удовольствием утопал в снегу, порой из плотного белого настила виднелись только его нелепые уши.

За обедом в кухне царило непривычное молчание. Не слышно было ни обычного ворчания старика, ни его едких замечаний. Он сидел напротив окна, сложив сухие руки на коленях, глядя сквозь занавеску в заваленный снегом двор, где все так же медленно кружил бесконечный снегопад. Девочка, с привычной детям особой интуицией, понимала, что дедушке отчего-то тяжело и грустно, но была слишком занята обедом и своими мыслями, чтобы все-речь этим озаботиться. Она щебетала с набитым ртом, пользуясь странной молчаливостью старика, который в другой день бы непременно ее одернул и даже, быть может, ударил бы кулаком по столу. Она все рассказывала, какие узоры нарисовал мороз на окнах ее комнаты, как радовался пес новому снегопаду, какой странный сон ей сегодня приснился и как было здорово слепить огромного снеговика прямо посередине двора, возле самых ворот.

Она даже не заметила, что старик не притронулся к еде, что на столе стоит всего одна тарелка. Он только прихлебывал чай из кружки, заваренный из высушенных летом трав и ягод, все так же глядя в окно.

Черешневое, май 1989 г.

В конце весны старик и его внука сделали неожиданное открытие. Поливая на огороде грядки дождевой водой по заданию бабушки, Миша то и дело отбивалась от пса, который жаждал поиграть и бросался ей в ноги, путался, мешая работе. В конце концов, она окатила его водой из ведра, однако животное это ничуть не успокоило, напротив, с задорным визгом оно принялось пуще прежнего носиться меж грядок, то и дело поднимая вверх искрящийся на солнце фонтан брызг. Под конец он так измазался и замарался, что Миша решила его выкупать – в клочья грязной шерсти намертво вбились комки грязи, трава и колючий бурьян.

Девочка оттащила собаку во двор, налила в большой таз воды из колодца, принесла из бани мыло и грубую жесткую щетку. Она вычесывала пса, распутывала его шерсть и несколько раз намыливала его, пока в таз не перестали струиться грязные потеки. Когда же пес полностью обсох на солнце, оказалось, что его шерсть имеет белоснежный окрас. Не на шутку удивленный дед даже громко присвистнул, завидев бегущего к нему вместо привычного серо-бурого замухрышки с искалеченной лапой чистого и ухоженного белого пса. Со смехом почесывая собаку за ухом, старик внезапно воскликнул:

– Да ты же и не стар вовсе, а я-то тебя из-за твоей неряшливости всегда обзывал Древнем!

Последние недели Захар все чаще бывал радостным и добрым: когда он наблюдал за внучкой или за резвящейся подле нее собакой, на лице его играла добродушная улыбка. В конце зимы старик едва стоял на ногах от голода и усталости, он исхудал еще больше, потерял силы, даже самая простая работа давалась ему с трудом. С приходом весны их дела пошли на поправку. Захар начал часто выпекать пирожки, крендельки да прочие сладости – на тарелке в летней кухне всегда громоздилась горка свежей сдобы. После затяжных свирепых холодов и жизни впроголодь Миша набрасывалась на угощения с прытью степного хищника, едва завидев лакомство.

– Экая ты прожорливая! – засмеялся старик, когда девочка, нетерпеливо подпрыгивающая подле него все утро, вдруг выхватила из тарелки горячий пирожок, едва он вынул их из печи. – Ты хоть осторожнее!.. Ты гляди, уже с этим управилась и за другим тянет руку!

– Ой, бабушка, как Вы вкусно их печете, никогда не ела таких пирожков! Научите меня, я тоже хочу.

Захар улыбнулся и в глазах его на мгновение появилась тоска и жалость. Он-то знал, что это не в пирожках его дело, а в самой девочке – оголодавшая, живущая в лишениях и в нищете, она видела даже в простом пирожке настоящее лакомство. Когда он, закончив утренние дела, шел с охапкою дров к печи, внучка с псом тут же увязывались следом, а Миша все выпрашивала, что такое он собирается выпекать, заглядывала в бадью с сырым тестом, принималась к запахам из печи, стараясь угадать. Захар никогда заранее не отвечал – пусть для девочки это

станет приятным сюрпризом, пусть развлечется, прыгая у печи и в радостном предвкушении ожидая свое угощение.

Пес тоже исхудал за зиму, сейчас даже плотная и пушистая белая шерсть не могла скрыть его выпирающих отовсюду ребер и костей. Он с надеждою глядел Мише в рот, когда та чем-нибудь лакомила, и девочка непременно с ним делилась, даже когда тот, набираясь наглости и храбрости, начинал громко лаять и настойчиво попрошайничать.

– Дедушка, а что у собаки случилось с лапой? – спросила она однажды, когда в полдень они сидели в тени сада и лакомились пирогом с вишнями. Рядом стоял кувшин со свежим козьим молоком, в который пес то и дело норовил сунуть свою морду. Миша отломил от своего куска и протянула ему – ломоть пирога тут же исчез в пасти собаки, и та вновь начала выпрашивать добавки, глядя снизу вверх и шурясь от яркого дневного света, повизгивая от нетерпения.

– Да кто ж его знает! Я так себе думаю, что прежний хозяин над псом издевался, добротню поколачивал его. Может, сам же и выбросил его затем подышать, или пес смог чудом улизнуть. Сперва подумал я, когда его увидел, что его собаки другие задрали, но потом понял, что ошибся. Пса били, сильно и свирепо, а животные не способны орудовать палкой или лопатой.

Я на рынок собирался ехать за продуктами, путь туда далекий, а в тот день ливень еще прошел вдруг, как назло, дороги наши совсем размыло. Пришлось мне пешком весь путь назад проделать, никак иначе домой было не попасть. Намучился я, по колено, бывало, ноги увязали в болоте и грязи. Уж не знаю, сколько часов я со своими тюками плелся по полям, но только к вечеру деревня на горизонте показалась. Присел передохнуть и попить воды на кривой старый орех, что аккуратно за селом растет, а тут – дохлый пес. Я уж было собирался встать и уйти, как заметил, что тот слабо дышит. Весь грязный, окровавленный, тощий, не мудрено, что я его за дохлого принял. Я животное в беде оставить не могу, это большой грех. Человеку бы я уж точно не помог, а пса мне стало жалко.

Я его перевернул осторожно, осмотрел – сразу понятно стало, что избили его сильно. Пришлось тащить его с собою домой, хотя я был уверен, что он по дороге подохнет, до утра не доживет уж точно. Пока тащил его, он все тихонько стонал и сопел хрипло, будто вот-вот помрет. Во дворе снарядил ему настил под окнами кухни, влил ему в пасть воды побольше, те раны, что смог найти, обработал от инфекции, смазал мазями. Я больше всего беспокоился о том, что ежели ему удары повредили внутренние органы, то моя помощь будет бессмысленной. Но, видать, пса сам Господь уберег. Так сильно ему досталось, а покалечилась только лапа да шкура. Правда, я когда эту лапу увидел, то перекрестился даже. Она вся с мясом была вырвана ниже колени, торчала в другую сторону. Пришлось ее топором обрубить до середины. Конечно, я сперва нашел в ящичке уколы, что когда-то покупал, когда сломал себе руку, починяя крышу колодца во дворе. Они боль притупляли, чтоб не мучила она слишком сильно.

Сделал я, что только мог, и оставил его в покое. Дальше уже только ему самому и природе нужно было решать – жить или нет. Утром рано я вышел из дома и пошел по своим делам, пес так и лежал неподвижно на прежнем месте. Я решил, что после обеда его проверю – ежели помер, то закопаю за садом.

Управился со скотом, прополот грядки, принес воды – а тот все так и лежит неподвижно. Я его не трогал, только издали глядел мимоходом. Зашел я в кухню, сел обедать, а тут – слабо скулит кто-то. Я в окно выглянул, а пес глаза приоткрыл и тоже на меня смотрит. Взял воды и пошел к нему, осторожно напоил его снова. Я все думал, что он мог после такого озвереть совсем, многие животные перестают людям верить, бросаются на них и сторонятся. А этот, простофиля, начал пытаться хвостом своим вилять. Сам побитый весь, шерсть в крови, лапакultz торчит, а он радостный. Пришлось оставить его, выходил его за пару недель. Такой тупой пес, не прогонишь его же, совсем безмозглый и глупый, потом бы снова его кто-то поколотил за такое простодушье и бесхитростный нрав. Первые пару дней заматывал ему лапу

и привязывал его, чтоб он не вставал и на нее не опирался. Есть он не хотел совсем и от еды наотрез отказывался, зато пил, как верблюд: крови, видать, потерял много. Я ему блюдце с водой по три раза на день наполнял.

Через дня три-четыре отвязал его, снял повязку – вот и не зря же говорят, что как на собаке заживает! Раны на культе уже не было, шкура стянулась. С тех пор он стал за мной следом ходить везде, а когда устает – идет на свое место под окно кухни...

Старик погладил пса, а тот мигом уложил голову Захару на колени и тут же уснул, разомлевший от душевной погоды.

– А почему Вы ему имени не придумали? Дедушка, а можно я его назову?

Миша глядела на спящего пса и перебирала в уме подходящие прозвища.

– Да называй, мне-то что.

– Давайте его Снежком назовем? Он такой же белый, как снег, и зимой любит в нем валяться. Или Пиратом – у него, как и у пиратов, нет одной ноги!

– Тогда уж Боцманом, это они обычно с культей ходят.

Захар вытащил смятую пачку сигарет и закурил, поглядывая на внучку.

– А тебя вот кто Мишей назвал? Неужто нормальных, человеческих и девичьих имен не нашлось?

Девочка принялась рассказывать старику о том, что ее так называли в честь героини книги, что ее мать прочла когда-то в детстве. Оно ей так понравилось, что когда у нее самой родилась дочь, то было решено ее назвать именно так. Захар неодобрительно покачивал головой, всем своим видом давая понять, что такие смелые идеи он не одобряет и считает плохим тоном давать своим детям «книжные имена».

С тех пор так и повелось – пса все чаще стали окликать Боцманом, а девочка порою слышала из сада ворчливые возгласы деда:

– Эй, героиня романа, изволь принести сапу и лопату из сарая, да поживее!

Глава 3

В своем беспощадном стремлении познать этот мир, люди бездумно срываю́т с него покрывало таинства, Божьей величавости, тревожат покой суровых духов. Но не всякое знание идет во благо человеку! Не даром Господь скрывает то, чего нам ведать не следует...

Черешневое, июль 1989 г.

В деревнях время идет странным ходом – то невыносимо медленно ползет, словно не до конца раздавленная башмаком оса, то вдруг начинает нестись во весь опор, а дни мелькают один за другим, только и успевай отрывать листки с настенного календаря. Вот и этот год прошел для Миши так же: сперва тянулся невыносимой вереницей тяжких и однообразных дней, а потом внезапно и неожиданно закончился.

Снова наступил июль, а с ним нагрянула привычная для этих мест засуха и невыносимый зной. Спаситься от него можно было только глубокой ночью, когда земля понемногу начинала остывать, да в летнем душе по утрам, когда струи прохладной воды растекались по обгоревшей коже, давая недолгое облегчение.

Боцман, изнывая и страдая от жары, растягивался во весь рост под крышей кухни, отбиваясь лапами от стайки мух, жадно глотал свежую прохладную воду из своей миски, с надеждою глядел на ведра, стоящие на колодце, из которых его иногда поливала девочка, чтобы хоть немного уменьшить страдания животного.

Старик даже в такой зной днями напролет пропадал где-то за домом. То было слышно, как он стучит молотком около сарая, то как кричит на кур в саду, то как гремит ведрами на огороде меж грядок. Мише же доставалась иная работа: ей нужно было прибирать в доме, протирать пыль на полках и столах, подметать и мыть полы, снимать и выстирывать оконные занавеси, а затем вновь их развешивать по местам, мыть посуду, перевязывать нитками пучки трав и развешивать их сушиться в сарае, резать за огородом акацию для кролей.

После обеда Захар позволял девочке заниматься своими делами и отдыхать, а сам он укладывался на кровать с газетою или книгой. Поначалу Мише было скучно и она маялась от безделья, но затем научилась находить себе развлечения и интересные занятия.

Сперва она обходила дом и сарай кругом, внимательно разглядывая траву под своими ногами. Иногда она находила выпавших из гнезда птенцов и если они оставались живы, то она взбиралась по хлипкой деревянной лестнице и осторожно опускала желторотиков обратно в гнезда. Если же они убивались о землю, то она закапывала их маленькие трупы в саду за домом, а сверху втыкала веточку сирени. Птичьи гнезда были не только в сарае, они торчали и под листьями шифера на чердаке, и даже над окнами ее комнаты. Поначалу Миша всегда жалела мертвых птенцов и иногда даже плакала от грусти, представляя, как будут страдать птицы, когда вернутся вечером в свои гнезда и заметят, что птенцов стало меньше. Но затем она стала понимать, что это – обычный ход жизни. Не все птенцы выживают, многие из них никогда не вырастут и не увидят света следующего дня, но это всего лишь привычные явления природы и ничего жестокого и злого в этом нет.

За домом под окнами засыхали десятки веточек сирени, а рядом всегда виднелись свежие. Смерть – это обыденная вещь в степи и родная сестра жизни, очень скоро Миша это стала понимать. Она каждое утро находила во дворе и в саду мертвых лягушек или обглоданные останки полевых мышей, высохших мух или раздавленных жуков, но от этого живых ничуть не ставало меньше. Каждую ночь наглые лягушки пробирались с болота во двор, до утра мешали спать своим кваканьем, а мыши с полей поселялись в сарае старика и плодились в боч-

ках с зерном. Большие и медлительные жуки облепляли целыми колониями ветки и стволы деревьев, а миллиарды мошек и мух наполняли собой весь летний воздух, умудряясь проникнуть в дом даже сквозь плотную сетку на окне.

В одну из июльских ночей разразилась настоящее стихийное бедствие – молнии сверкали одна за другой, били синими стрелами в землю на горизонте, раскаты грома тревожили собак в деревне, потоки грязной дождевой воды затопили дворы. Рано утром Миша отправилась на огород, чтобы накопать картошки на завтрак и сорвать молодых кабачков для рагу. Ее ноги проваливались в размокшую землю, повсюду блестели лужи с грязной жижей, кабачковые листья прибило к земле. Среди картофельных грядок она вдруг увидела обгоревшие останки большой совы. Перья ее обуглились, торчали во все стороны, а тело было совсем черным, угольным. Несчастной птице не повезло – в ночную грозу ее ударило молнией.

В летней кухне было тихо и пусто – Захар все еще управлялся со скотом в сарае. Девочка сложила овощи в таз, почистила их и вымыла, нарезала и поставила на огонь большой чугунный казан. Заварила чай, нарезала свежий хлеб, взяла большой ломоть и пошла на поиски деда.

Тот управлялся с поросятами, вычищал их желоб длинной сапою, а те с визгом носились по загону, сталкиваясь друг с другом толстыми боками. Миша уселась на пень неподалеку.

– А Вам здесь не скучно, дедушка? Каждый день делаете одно и то же. Друзей у Вас совсем нет, и у меня тоже.

Она притоптывала ногой по земле, наблюдая, как старик отгоняет любопытных свиней палкой, чтобы сгрести граблями грязную солому и насыпать чистой и сухой.

– Все люди уходят и все люди предают. Нутро у них такое. От друзей толку никакого нет и подавно. Животное, которое ты спас и пригрел, оно всю жизнь подле тебя будет, благодарное и любящее. Посмотри на пса моего! Он ходить едва может, но по пятам изо дня в день ковыляет, ждет покорно у дверей сарая или у окна кухни. А человека сколько ни грей своим теплом, ни дели с ним свой дом, постель и стол – ему все мало. Разводи лучше свиней, их хотя бы сожрать можно, в отличие от твоих пустоголовых подружек.

– И Вам правда не бывает одиноко? Не хочется поговорить даже с кем-нибудь? Или в гости позвать? – продолжала допытываться Миша, пока Захар с раздражением отпихивал от себя поросят. Он выудил большими вилами свежего сена из копны, что стояла у сарая, расстелил его по цементному полу, налил поросятам свежей воды и вытряхнул из кастрюли еды в вычищенный желоб, постукивая ею о край.

– Одиноко только тем бывает, кому нечем заняться. Бездельникам, ленивым и глупым людям всегда одиноко. Всегда им плохо, всегда ноют беспрестанно. А друзей заводят, чтоб было кому ныть да жаловаться. Мне этим заниматься некогда, у меня работы по горло каждый день, не стану я тратить время на то, чтоб о чужих проблемах и делах слушать, когда своих выше крыши. Если я хочу с кем поговорить – у меня всегда компания найдется. Меня понимают и слушают и животные, и деревья в саду, потому как всякое живое существо или растение способно тебя понять и даже ответить. Только нужно уметь слушать и понимать. Много ума не надобно, чтоб с себе подобными судачить. А ты попробуй поговорить с яблоней за домом или со старым филином, что на болоте живет в дряхлой иве.

Я свое хозяйство все понимаю и умею с ним управляться. Знаю, когда дому моему плохо, когда его подлатать нужно. Когда тихонько дверь скрипит в прихожей – это дом заботы просит и моего внимания. В саду деревья, когда пить хотят, знаю, они мне об этом сами говорят. А ласточки мне погоду могут рассказывать лучше любой газеты или передачи по радио. Я не бываю одиноким, я здесь – часть мира и жизни, она есть везде – надо мной, подо мною и вокруг, по сторонам. Как я могу ощущать одиночество, если тут столько живого?

Миша не ответила. Она только посмотрела по сторонам, пытаясь понять, о чем таком говорит Захар. Неужели все эти мухи над ее головой, жуки в траве под ногами, бабочки над грядками клубники или птицы в высоком небе – все это наши соседи, спутники нашей жизни?

Неужто можно дружить с жабой, что приходит по ночам с болота к ним во двор? Или доверять свои секреты псу, который всегда с радостью бросается в ноги, стоит его позвать? Она смотрела и казалось, что начинала видеть совсем иначе, уже не так, как видела раньше. Вот деловитый рыжий муравей тащит какую-то былинку, спешит обратно к себе в дом. Он живет здесь, совсем близко, около сарая старика, на его земле. А сколько еще у них таких соседей? Стаи молодых ласточек, целые семьи жуков, ночные мотыльки и большие белые бабочки, что живут в капусте. Наверное, если задаться целью и обыскать весь участок старика, от самых ворот наверху и до частокола внизу, что врежется в землю балки, то наберется такая огромная семья, что не хватит и двух столов, составленных вместе, чтоб пригласить всех на обед. И кого там только не будет!

Поглощенная этим внезапным открытием и своими мыслями, Миша не заметила, как Захар закончил работу, убрал вилы, оттряхнул руки и вышел из сарая.

– Ты завтракать-то собираешься идти? Сегодня много дел нужно успеть до заката выполнить, ежели не поест с утра как следует, то так и скопытишься где-нибудь на огороде.

Черешневое, август 1989 г.

Миша помнила тот день, когда впервые решила выбраться в запустевший черешневый сад на окраине. Дед часто рассказывал ей предания об этих местах, о небылицах и байках, что обитают здесь. Разбираемая детским любопытством, она давно мечтала сделать вылазку, побродить меж одичавших деревьев, отыскать запрятанный колодец.

После обеда Захар по привычке пошел в дом, чтобы отдохнуть и почитать, а Миша принялась собираться в путь. В сарае раздобыла она старый потрепанный рюкзак, начинила его пирожками, положила бутыл с водой. На ее тощих узких плечах ляжки рюкзака болтались и разъезжались в стороны, сам же он свисал почти до бедер, хлопал при каждом шаге по ее ногам и сильно затруднял ходьбу. Но Миша была в таком радостном предвкушении и настоящим восторге, что даже не замечала этого.

Она позвала с собою пса, тот послушно покинул излюбленное место под окнами кухни и последовал за ней. Дорога в черешневый сад проходила через селение на холме. Конечно, можно было пойти и другим путем, найти обходную дорожку, но через село идти было и быстрее, и проще.

Насыпная дорога уходила в гору, быстрым шагом Миша преодолела склон и уже скоро перед ней появился первый деревенский домишко. Запахавшийся пес плелся следом, высунув язык, и так же пытливо разглядывая открывавшийся перед ними новый пейзаж. В деревне Миша еще ни разу не была, весь год она провела внизу на балке, в доме старика.

Дома здесь стояли далеко друг от друга, а между некоторыми из них и вовсе были целые поля. Первый дом оказался старым и совсем неухоженным: весь огород порос сорняками и бурьяном, забор во многих местах покосился или вовсе сгнил, через облупившуюся побелку на стенах дома проглядывали кирпичи. Во дворике дома, таком же неухоженном и неприветливым, горел костер, а у дверей дома спал большой черный пес. Это были единственные признаки того, что участок не заброшен и что у дома есть хозяин, хотя запустение настойчиво пыталось доказать обратное.

Миша миновала несколько домов, быстро потеряв интерес к поселению. Все здесь было монотонным, все дома были похожи между собой, одинаковые огороды и сады с плодовыми деревьями, подобные ворота и частоколы, даже собаки издали казались совершенно одинаковыми. Многие обитатели Черешневого ухаживали за своими домами, почти все из них красовались свежей побелкой, прополотыми грядками, во дворах было чисто и подметено. Изредка, когда Миша подходила слишком близко к забору, из-за него доносился лай, приглушенный говор радиоточки или гогот гусей.

Спустя двадцать минут она уже была на окраине селения, стоя у самого последнего дома. Он был построен из белого кирпича, ставни и ворота были выкрашены в небесно-голубой цвет, во дворе виднелась беседка, а повсюду, и перед домом и вокруг него, росли клумбы с красочными большими цветами. Строение находилось уже за чертой деревни, было отделено от нее подсолнуховым полем.

Воспользовавшись внезапной остановкой, пес решил передохнуть и лениво развалился в тени акации, что росла прямо перед голубыми воротами дома. Он вытянул передние лапы, уложил на них мохнатую морду и зажмурил глаза, неспешно двигая ушами и прислушиваясь к звукам, доносившимся из деревни.

Миша заметила грубый круглый стол под навесом беседки, на нем стоял прозрачный графин с водой и лежала стопка книг. В цветочных грядках у ворот порпались белые куры, где-то за домом мычал теленок и хрюкали поросята. От долгой ходьбы на открытом солнце у Миши горели ноги, спина под рюкзаком взмокла, летний сарафан прилип к телу.

– Здравствуй! Ты у нас кто такая будешь? Устала от долгой дороги?

От неожиданности Миша вздрогнула. Она не сразу заметила, что за забором слева стояла полная женщина в цветастом ярком платье, которая внимательно наблюдала за ней с тех самых пор, как девочка подошла к дому. Лицо ее расплылось в приветливой улыбке, загорелой пухлой рукой она сделала приглашающий жест и отворила калитку.

На голове у хозяйки красовался платок, такой же яркий и цветастый, как и ее длинное платье. Из-под него выбилось несколько прядей черных волос, которые женщина небрежно поправляла. На темной шее покоились тяжелые красные бусы в несколько нитей, черные глаза задорно сверкали из-под густых бровей. Женщина бы показалась Мише красивой, если бы не ее чрезмерная полнота – руки ее были слишком короткими и рыхлыми, а ступни едва умещались в летние сандалии.

– Ну, что же ты, заходи! Гости сюда заглядывают нечасто, а потому я буду рада напоить тебя холодным клубничным компотом и угостить варениками. Тем более, что ты наверняка и проголодалась в дороге, и устала.

Хозяйка отодвинулась в сторону, приглашая девочку зайти, но та все еще выглядела нерешительной и смущенной. Зато ее добродушный и глупый пес тут же вскочил на лапы и бросился во двор, потревожив своим появлением кур. Он добежал до беседки, с удовольствием увалился на ее прохладный каменный пол. Девочка еще раз поглядела на радушную хозяйку, та продолжала улыбаться, обнажая белоснежные и ровные зубы.

Миша уселась на лавку под тенью беседки. Хозяйка тут же захлопотала, накрывая на стол: она принесла большую чашку холодного компота, поставила блюдо со сметаной и вареньем в центр стола, а возле девочки вскоре появилась тарелки с блинами и варениками. Пока Миша с аппетитом поедала предложенные угощения, женщина все не умолкала. Она громко и многословно рассказывала о себе и своей жизни, а затем вдруг резко перебивала саму себя и уже принималась расспрашивать девочку. Хозяйка дома оказалась одной из тех назойливых и компанейских женщин, которые всегда рады любому гостю, любят поговорить и потрепаться обо всем на свете. За полчаса, проведенных здесь в гостях, Миша узнала о ней все: женщина охотно поведала о том, кто она и как здесь очутилась, рассказала о своих будничных делах и деревенских заботах, даже о своем далеком детстве и несчастной первой любви хозяйка успела выложить все.

– Значит, Вы умеете гадать на картах? Это так интересно! Я бы хотела попробовать, но мне никогда не встречались настоящие ворожеи, – воскликнула Миша, едва женщина упомянула о своем странном занятии.

– Я гадаю вот уже почти тридцать лет, чуть ли не с самого своего раннего детства. Не хочу хвастать, но ко мне приходят даже из самых далеких деревень, а в соседних селах есть такая традиция: каждый год перед Рождеством молодые девушки прибегают ко мне погадать да пово-

рожить, а если кто замуж собирается – то без моего расклада на картах не решается начинать свадьбу.

Женщина внезапно раскрыла пухлую ладонь и показала Мише колоду карт.

– Хочешь, я и тебе погадаю?

Миша с интересом разглядывала карты, которые хозяйка разложила на столе. Они были крупные, гораздо больше обычных, а на каждой из них красовался какой-то причудливый и непонятный рисунок. Девочке ужасно хотелось, чтобы хозяйка погадала и ей тоже, но она боялась и испытывала странный и неясный трепет, потусторонний страх.

– Ну же, не бойся! – засмеялась ворожея, угадав нерешительность во взгляде девочки. – Ничего в этом страшного нет. Мои предсказания всегда сбываются, об этом тебе любой человек здесь скажет. А обманывать такую прелестную и милую дивчину, как ты, я бы уж точно не стала!

Миша, наконец, кивнула. Женщина смешала карты, тихо что-то над ними прошептала и велела девочке вытащить из колоды три любые. Их она выложила на стол, открывала каждую по очереди и говорила.

Пес, устроившийся под столом беседки, положил свою голову Мише на ноги. Пока она обедала, он то и дело выпрашивал у нее блины и вареники, наелся ими досыта, а теперь захотел ласки и внимания, тыкался мокрым холодным носом в колени девочки и настойчиво требовал, чтобы его погладили.

– Первая карта показывает твоё прошлое. У тебя было много бед и лишений, на твою детскую долю выпало много неприятностей и испытаний. Была и тяжелая утрата, и слезы горя.

Вторая карта – твоё настоящее. Изменившийся облик твоей души, которая стала более закаленной и сильной. И в настоящем есть беды и трудности, но теперь они не так горьки, как раньше. Они не отравляют твоей жизни.

Третья – будущее. Оно сулит тебе большую радость, настоящую любовь. Но горе и здесь не обойдет тебя стороною. Будет много слез, боли и отчаяния. Тебе придется принять трудное решение. Если ты выберешь счастье и любовь, то они достанутся тебе страшной ценой... Ценой смерти.

Гадалка замолчала, сгребла карты и сложила их в карман своего платья.

– Ох, не для детских ушей такие вещи! Кто же мог знать?.. – ворчала хозяйка, прибирая тарелки со стола.

Подходил уже седьмой час, когда Миша покинула ее жилище. Отдохнувший и сытый пес радостно бежал за нею по дороге, принюхиваясь к незнакомым запахам, разглядывая деревья и камни, что встречались им на пути. Вокруг понемногу спадал дневной зной, домашний скот решался пробудиться от сонного морока, стали слышаться отовсюду деревенские звуки, шум, лай собак, мычание телят.

Ворожея захлопнула за девочкой калитку, помахала ей на прощание пухлой рукой в цветных браслетах на запястье и стала прогонять кур со двора, напевая себе под нос:

– Очі твої зелені
мов з ізумрудів кулі,
знищили серце мені,
вщент його розітнули...

Миша в черешневый сад в тот день так и не добралась, потому как пора было возвращаться назад. Наверняка ее уже дома ждал Захар и вечерний ворох дел да забот, которые откладывать было нельзя.

Она оказалась права: едва она переступила порог дома, как к ней тут же с руганью бросился старик, который давно ждал ее возвращения и не понимал, отчего внучки до сих пор нет.

– Поди запри кур, проверь, чтоб все были на месте. Потом воды набери животине, посуду вымой, – ворчал он, недовольный тем, что Миша даже не подумала предупредить его, что уйдет до вечера. Захар и злился, и волновался одновременно, едва понял, что девочки нет слишком долго. То и дело, прихрамывая, бросался он к калитке, вглядываясь вдаль, надеясь, наконец, заметить ее щуплую фигурку на горизонте.

Глава 4

Уединение и отречение от всего, что развращает душу – то единственный способ спасти ее.

Черешневое, ноябрь 1989 г.

В середине осени балку наводнили бесконечные ливни. Нижняя половина огорода превратилась в непроходимые болота, потоки дождевой воды с шумом неслись вниз по скользким плитам двора.

По ночам мерный стук капель наводил на девочку какую-то странную печаль. Пока старик мирно храпел у себя в спальне за стеной, она выбиралась из кровати, усаживалась на холодный подоконник и следила за тем, как дождевые капли ползают по окну, как одна сливается с другой, а затем они вместе стремительно падают вниз, скрываясь во тьме.

Мише все чаще становилось по вечерам грустно и одиноко, однако она гнала прочь от себя эти мысли и чувства, припоминая слова старика.

– Одиноко бывает только тем, кому нечем заняться, – тихо говорила она сама себе, пытаюсь пристыдить. – А у меня хлопот полно. Дружить с кем-то – и вовсе пустая трата времени. Чтобы выбить тоску из себя, нужно больше работать, есть как следует да спать ночами.

Так утешала себя девочка, успокаиваясь от этих слов, а затем отправлялась в кровать. Она не понимала, что такие мысли в детской голове звучат слишком странно и чужеродно, что они бы больше подошли взрослому человеку, который многое пережил и многое успел повидать на этом свете.

В один из ноябрьских дней Захар выглядел особенно мрачным и встревоженным, с самого утра он ходил с хмурым лицом, все размышлял о чем-то. За обедом он попросил Мишу начинать экономить припасы, не увлекаться поеданием варенья и консервированных фруктов из погреба, потому как близилась зима, а с нею угроза голода вновь становилась близкою и реальной.

– И сегодня мы уйдем в дом сразу с наступлением темноты. Пораньше закончим дела, поужинаем, запрем скот и – спать, – добавил он вдруг. – Я как следует запру в доме все двери да окна.

– А отчего так, дедушка?

– Оттого, что сегодня будет самая скверная ночь из всех. Еще до полуночи начнет бродить по деревням нечисть, черти да души покойных. До рассвета они будут мучить и пугать живых, не давать им покоя. Будут хлопать ставнями, заглядывать в окна, свистеть в дымоходе. Такая ночь выдается один раз в 6 лет, и лучше не испытывать свою судьбу.

Мы уляжемся спать, погасим везде свет, чтобы наш дом они обошли стороною. Злыдни хитрые да коварные – могут притворяться кем угодно, зазывать на улицу, выманивать из дома. Ни в коем случае нельзя ни к окнам подходить, ни, тем паче, из дома высовываться. Все тебе ясно?

Однажды, еще до войны, когда я был возрастом с тебя примерно, молодую девку из нашего села нечисть обманула и утащила из деревни. Утром нашли ее в пруду, утонула она. Говорили, что черт прикинулся ее женихом, обманом вывел ее из хаты, дотащил до воды и утопил там. Черти, они ужас как воду любят, людей топить – для них одно удовольствие. А ныне за окном который день ливень, вот уж где разгуляется Нечистый. Что бы ты ни услышала, что бы не померещилось – лежи в своей кровати до утра да посапывай. Если и не выманит тебя бес из дому, то уж точно попытается. А ежели ему в глаза помотришь – то увидишь в них свою смерть. Людям такое знать и ведать не положено. Подыхать надобно в неведении,

как и пристало доброму человеку. А черти тем и пользуются – увидишь свою кончину, испугаешься, остаток дней так проживешь, что уж точно после смерти твоя душа ему достанется. Или и вовсе с ума сойдешь, от горя или тоски. Так что ты в окна не гляди.

Испуганная Миша кое-как доела свой обед, наскоро выпила чаю и побежала браться за свои дела, чтобы закончить их как можно скорее.

Когда на небе начал сгущаться сумрак, старик взял пса и затащил его в дом. Постелил ему у двери в коридоре, погладил по голове, потрепал за уши и молвил:

– Тут и тебе будет спокойнее, и нам.

Миша улеглась в постель, Захар выключил у нее свет, закрыл дверь и пошел к себе. Через минуту в доме стало совсем тихо и темно. Пес, утомленный дневной суматохой, уже давно спал у двери. За окном все так же тихо постукивал дождь, издали доносилось низкое урчание грома. Месяц, изредка выныривавший из тесных объятий тяжелых туч, тускло освещал бледным светом голые и мокрые деревья в саду у дома, отражался в мутных лужах во дворе.

Девочка лежала, скованная страхом и желанием поскорее уснуть, прислушиваясь ко всему, что слышала за окном. Вот вдруг в саду захлопал крыльями сыч, а потом сипло залаяла собака в деревне наверху. Мише вдруг стало по-настоящему страшно – дом старика, совсем одинокий, стоял так далеко от стальных, некому было их защитить, они были совсем одни в этой полузатопленной, сырой низине.

Перед ее глазами мелькали жуткие образы: странные длинные тени и скользкие существа, покрытые шерстью, рогатые уродцы, похожие на свиней, все они тихо обходили каждый дом наверху, а потом их взор неизменно устремлялся на дом старика и балку, лакомый кусочек, где они могли дебоширить и резвиться в полную силу, не боясь любопытных людских глаз. Видела она и плачущую обманутую невесту, она шла следом за ними, хватаясь тонкими руками за мокрые ветви деревьев, стенала и взывала к своему любимому, а в потускневшие волосы ее были вплетены водоросли.

Собрав всю свою волю в кулак, Миша заставила себя отбросить эти мысли и видения, крепко-крепко зажмурилась и начала думать о другом, вспоминать о самых счастливых своих днях, что приходилось ей переживать, о давно позабытых друзьях, вспоминать лица родителей. Так она и уснула.

Старик уже тоже давно спал, когда вдруг услышал какой-то звук, который вырвал его из объятий сладкой дремы. Поглядел на часы, в слабом свете то появляющегося, то вновь скрывающегося за тучами месяца увидел он, что уже полночь. Он хотел было вновь закрыть глаза, но звук повторился, став более отчетливым и ясным.

На улице было совсем тихо, не слышно было ни капель дождя, ни шума ветра. Обнаженные деревья замерли в своих стыдливых позах, распластав корявые ветви в стороны, воздух был свежий и чистый, в нем слышался запах сырой земли и прелых листьев. По небу едва-едва ползли низкие тучи, дождь закончился.

Захар повернулся на бок, поудобнее устроился в постели, укрылся до самой шеи. В комнате уже было прохладно, приближающаяся зима понемногу начинала диктовать свои законы. Через пару дней уже бы следовало натаскать дров из сарая, чтобы топить перед сном. По утрам из постели выползать и вовсе не хотелось, промозглый и серый мрак предрассветного времени наводил тоску. В комнате пахло сыростью и газетами, на тумбочке у кровати их громоздилась добрая стопка. Рядом же лежали очки старика, надевал он их только тогда, когда собирался почитать. В остальное время он их не носил, хотя и был уже изрядно подслеповат.

Когда звук повторился в третий раз, уже совсем близко, Захар успел снова заснуть. Не открывая глаз он с раздражением подумал: «Ты хоть там обсвистись, бесовское отродие, я не стану с кровати вставать. Проваливай ко всем чертям туда, откуда вылез».

Но затем его сердце замерло и будто бы куда-то провалилось – он мог поклясться, что за окном прозвучал тихий голосок его внучки. Неужто глупая девчонка ослушалась и вышла

из дому, хотя он строго-настрого это запретил делать? Одурили нечистые мелкую девчонку, увели? Что, если и ее вот так он найдет утром – мертвую в балке, утопшую в этой мутной и грязной жиже?.. От этих мыслей Захара враз бросило в жар, он скинул с себя одеяло и вскочил с постели. Собирался уже было бежать к комнате Миши, чтоб проверить – на месте ли внучка?

И тут вновь звук повторился. Тихий, вкрадчивый, как ночной ветер в степи, что гуляет среди полей. В другую ночь Захар не разобрал бы в нем ничего, кроме скрежета ветвей или свиста сквозняка на крыше, но сейчас он точно слышал жалобный стон девочки. Позабыв обо всем на свете, старик повернул голову к окну и вгляделся в темноту, щурия подслеповатые глаза. И тут он увидел.

Темная, колышущаяся тень за окном, она висела там всего какую-то долю секунды, а может, и того меньше. Промелькнула мимо окна, застыв на самую малую толику мгновения, а потом так же внезапно скрылась за деревьями в саду. Но и этого оказалось достаточно, чтоб в двух горящих зеленых огоньках Захар успел разглядеть нечто. Застыв на месте, он еще долго глядел в пустоту перед собою, на темный сад и черно-серое небо над ним, не мог пошевелиться и сдвинуться, скованный своим страхом.

Только лишь по прошествии часа смог он выйти из своего безумного оцепенения, смертельно уставший и обессиленный добрел он до своей кровати и упал на нее, погружившись в беспокойные сны. Перед взором его проносились странные и пугающие видения: вот пес его грызет кость под окнами кухни, а уже через мгновение вся пасть у него в крови, он оцетинился и рычит на старика; утонувшая невеста просит заплести косу из ее мокрых и спутанных волос; зимняя буря разыгралась над домом старика, а затем порыв сильного ветра сорвал с него крышу и унес ее прочь...

Много чего жуткого и бредового снилось Захару той ночью. Но он точно знал, что увиденное им в окне не было ни бредом, ни сном. В зеленых глазах бесовского отродия он явственно разглядел лицо своей внучки.

Черешневое, декабрь 1989 г.

Рождество в этом году справляли весело и сытно. Захар выпек большой пирог, наварил еды, Миша надраила дом до блеска, они накрыли на стол в гостиной, зажгли свечи, даже Боцману позволили зайти в дом и посидеть вместе с ними.

На улице кружил мокрый липкий снег, а дома в печи весело потрескивали поленья, пожираемые огнем. После ужина Захар уселся читать, а для внучки он включил радио. Та сидела в продавленном кресле, обернувшись в шерстяной старенький плед, пила чай с клубничным вареньем и слушала колядки и песни, которые то и дело прерывало сиплое шипение и потрескивание в колонках радиоточки.

Морозный ветер завывал где-то на чердаке, тревожил спящие деревья в саду, срывал с их ветвей тонкое снежное покрывало. Тускло светил торшер у кресла старика, пес мирно посапывал у его ног. На столике торшера красовались свежие журналы – подарок деда. Он тайком оформил подписку на молодежное издание, и теперь толстый почтальон Степан каждую неделю приносил свежую, пахнущую типографской краской брошюру.

С ним Миша даже немного сдружилась. Хотя тот и был старше, но вел себя, словно ребенок. Обычно он отдавал девочке журнал, рассказывал ей последние новости из деревни, добродушно прощался, махая рукой, а затем садился на свой велосипед и убирался восвояси. Он был грузным, наивным и немного глуповатым, потому Захар считал его то ли слабоумным, то ли простаком, нелестно отзывался о Степане, часто называя его дегенератом и отпуская в его адрес обидные колкости, на которые, впрочем, мальчишка никогда не обижался. На самом же деле, Степан был обыкновенным деревенским жителем, который и родился, и вырос в селе,

не смог получить полноценного образования, имел примитивные мечты и желания, зато был добрым, отзывчивым и хорошим человеком.

Однажды он даже угостил девочку шоколадом, который раздобыл в каком-то магазине в одном из более крупных окрестных сел. Вручил ей съедобный прямоугольник в красочной фольге, сияя от счастья, когда девочка пришла в настоящий восторг от такого подарка и принялась благодарить Степана от всей души. Ей казалось, что она нравится почтальону, но он не решается признаться в том. И Миша втайне радовалась этому, потому что Степан ей казался забавным знакомым и радушным собеседником, но не более. Старик же по этому поводу и вовсе не беспокоился. Во-первых, Миша была слишком уж юна для дел сердечных. А во-вторых, разве мог ей понравиться такой слабоумный толстяк, как Степан? А стоило ему только замешкаться и привезти почту не вовремя, как старик начинал ворчать и чертыхаться:

– И где только черти носят этого злыдня? Сожрал он, что ли, мои газеты? Или снова не может уместить на детском велике свой огромный зад?

В ту ночь разыгрался настоящий ураган. Ветер то и дело неистово бросал в окна пригоршни снега, деревья стонали под его порывами. Резко похолодало, да так, что старик вставал три раза за ночь, чтоб подкинуть поленьев в печь. Утром Степана и своей почты он так и не дождался, осыпал толстяка проклятиями, взял большую лопату и ушел чистить курятник. Пес тут же последовал за ним, радостно подскакивая и резвясь на белом снежном настиле.

Чтобы животное не страдала зимой от лютых морозов, Захар утеплил сарай со свиньями, выложив его изнутри старыми газетами, большими картонными листами, пожелтевшими комьями ваты и пакли. Туда же он перетащил и козу, клетки с кролями. По ночам животные жались друг к другу, спасаясь от вездесущей и пронизывающей степной сырости и мороза, укладывались спать тесно в ряд, а то и вовсе друг на друга.

Миша осталась во дворе ожидать почты. Она оделась потеплее, нацепив поверх своей куртки еще и старый ватный жилет Захара, но все равно мигом продрогла. Степан появился только ближе к обеду, непривычно грустный и даже, как показалось девочке, немного испуганный.

– Ох, тебе и достанется, если дедушка тебя увидит! Давай мне почту и ступай домой побыстрее.

– А я не просто так задержался сегодня! В деревне такое случилось, такое случилось! – причитал он, притоптывая ногами у своего велосипеда и тараща круглые голубые глаза. Его нос раскраснелся больше обычного, он нервно теребил ремешок своей сумки, охал и вздыхал.

Степан рассказал Мише, что вчера после обеда пропала местная девчушка, Варвара.

– Ты знаешь ее, вы в одном классе ведь учитесь... – он на секунду умолк и напрягся, услышав где-то вдалеке сиплое покашливание старика. Но затем взял себя в руки и снова начал рассказывать, судорожно сминая свою туго набитую сумку. – В общем, пропала девка, не явилась на обед. Поискали ее сперва, потом решили, что она где-то по своим делам пошла. Она всегда сама по себе гуляла, вечно от книг своих глаз не отрывала. Все мечтала выучиться и уехать отсюда в город, я ей то и дело эти книги да учебники таскал... Но потом она и на ужин не явилась, а утром уже вся деревня пошла на ее поиски. Потому я и не приехал вовремя, что мы по соседним деревням сперва рыскали, а потом по черешневому саду. Вот в нем и нашли Варвару. Одному Богу известно, на кой она в ту чащу полезла. Но я так думаю, что частенько она там гуляла одна, может, колодец искала, чтоб снять с мертвой панночки ее драгоценности и побрякушки, продать их и уехать отсюда.

Степан быстро перекрестился, переводя дыхание.

Оказалось, что девочка замерзла в лесу этой ночью. Вспомнив, как громко свистел и завывал ветер на крыше до рассвета, Миша поежилась и по ее спине пробежал холодок. Должно быть, хуже места для ночлега в такую ночь, чем непроходимые заросли на окраине села, и не придумаешь!

– Что ж она домой не пошла, когда темнеть стало?

– Да кто ж его знает! Вот и мы все удивились этому. Я к Варваре близко не подходил... Увидел, что лежит она на снегу, около дерева. Мать ее, когда увидела ту картину, так начала вопить и кричать, до сих пор у меня кровь в жилах от этих воплей стынет! – Степан и правда внезапно подернул плечами и поежился. – Всея деревней ее успокаивали и отпаивали, а она все вопила да вопила...

– Как странно все это... – Миша задумалась и посмотрела вдаль, за тяжелые низкие тучи, что обволакивали деревню на холме, душили ее в своих сырых объятиях. Где-то за Черешневым, за ровными квадратами полей, сейчас пустовала ее школа. Миша никогда не была близка с девочкой и они даже толком и не разговаривали друг с другом, но ей вдруг стало жаль Варвару, что так страшно и нелепо погибла этой ночью. Представила она и ее безутешную мать с заплаканным лицом и глазами, полными тоски и горя.

– Не следовало ей так увлекаться этими мыслями о городе, – сокрушенно покачал головой почтальон. – Ты знаешь, она же и не дружила ни с кем в своей деревне. Все дома сидела, уткнувшись в книги. А бывало, что и...

– Оно и верно. Эта земля просто так никого не отпустит отсюда, – голос Захара, внезапно прозвучавший за их спинами, заставил обоих вздрогнуть. – И что это вам, молодым, здесь так неймется? Все вам плохо, все не по душе, вечно тянет вас куда-то нечистая сила. Вот тебе, Степан, плохо разве здесь живется? Погляди, какую ты себе харю отожрал, уж скоро будешь жирнее, чем мои свиньи в сарае. А сунься ты в город – засмеют тебя, твое толстое брюхо и пустую голову. И все равно претесь туда, как будто медом помазано.

Степан замялся и испуганно умолк, протянул старику его газеты. Тот молча забрал их, небрежно бросил на лавку, достал сигареты из кармана и с удовольствием закурил. Пес подбежал к почтальону, обнюхал его ботинки и добродушно завилял хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.